

Б. Ф. ЕГОРОВ

РОССИЙСКИЕ УТОПИИ

исторический путеводитель

«Искусство—СПБ»

БИБЛИОТЕКА
КАНУНОВОЙ ФАИНЫ ЗИНОВЬЕВНЫ

Б. Ф. ЕГОРОВ

РОССИЙСКИЕ УТОПЦЫ

исторический путеводитель

964086-1

Дорогой Фаине Зиновьевне
Кануновой -
новорожденной!

Удачи Вам в делах и
творчестве!

Б. Ф.

7.1.07.

Санкт-Петербург
«Искусство-СПб»
2007

На все нужна в России только вера:
Мы верили в двуперстие, в царя,
И в сон, и в чох, в распластанных лягушек,
В матерьялизм и в Интернационал.
Позитивист ощупывал руками
Не вещество, а тень своей мечты.
Мы бредили, переломав машины,
Об электрификации; среди
Стрельбы и голода — о социальном рае...

М. Волошин. Поэма «Россия» (1924)

Введение

Возникновение утопий относится к античным временам, когда появились буколические (пастушеские, деревенские) жанры идиллии и эклоги, изображавших мирную, гармоничную жизнь селян в единении с природой. Но сам термин «утопия» появился лишь в эпоху Возрождения. Знаменитый английский политический деятель и мыслитель Томас Мор написал роман «Золотая книга, как приятная, так и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516), труд об идеальном государстве (слово «утопия» по-гречески означает «место, которого нет»). После этого утопиями стали называть учения и книги, авторы которых создавали картину будущего; разумеется, не на основе изучения объективных закономерностей общественного развития, а по принципу долженствования: так должно быть по замыслу автора. Иными словами, утопия — желаемое устройство общества или личности в свете представлений об идеалах. Именно поэтому утопия всегда связана с определенными верованиями в истинность и осуществимость идеалов, а всякое верование, основанное на идеалах, может быть истолковано как религиозное. Значит, каждая утопия в какой-то степени религиозна. А можно ли считать наоборот: что и каждая религия в некоторой степени утопична?

Этот сложный вопрос требует специальных исследований.

За несколько веков, прошедших со времени опубликования романа Т. Мора, в разных странах вышло великое множество утопий. Россия здесь не отстала¹. Но до новейших исследований, особенно до указанной в примеч. 1 книги Л. Геллера и М. Нике (книги конспективной, но охватившей очень много материала), обилие русских утопий не было известно мировой общественности. Выдающийся польский ученый Александр Свентоховский (A. Świątchowski) в фундаментальном труде «Utopie w rozwoju historycznym» (Warszawa, 1910; в русском переводе — «История утопий», М., изд. В. М. Саблина, 1910) ни одной главы, ни одного раздела не посвятил русским и вообще славянским утопиям: он считал, что их еще очень мало. Теперь-то мы знаем, что это не так: ой как их много!

Наряду с утопиями есть еще *антиутопии*; их авторы показывают жизнь, какую она не должна быть. Некоторые футурологи предостерегают от нежелательных, с их точки зрения, общественно-политических стадий и структур, искажающих природу человека.

Утопии и антиутопии создавались и прогрессивными деятелями, и реакционерами (антиутопии — чаще всего последними, но не обязательно ими); были в истории культуры периоды, когда в определенном регионе утопии разных направлений распространялись необычайно широко.

Нет единой точки зрения на причины такой интенсификации. Немецкий философ Людвиг Штейн в труде «Социальный вопрос с философской точки зрения» (1897; русский перевод — М., 1899) считал, что утопии возникают в кризисные периоды, когда в обществе созревают новые отношения, поэтому утопии оказываются как бы первыми вестниками новых явлений, переворотов или реформ в социально-политической, религиозной, экономической и т. п. областях. Следует, однако, уточнить: не столько в моменты развития кризисов, сколько в преддверии их. Ведь непосредственно в переломные периоды, в эпохи сдви-

гов и реформ мыслителям и деятелям представляются широкие возможности участвовать в перестройке реальной жизни и они вместе со своим обществом не нуждаются в утопиях, да им просто и некогда этим заниматься (если не считать скороспелых привнесений некоторых утопических идеалов в реальные преобразования, — например, мечтаний Ленина после 1917 года об отказе страны от денег). Утопии же в большинстве своем чаще возникают в консервативные периоды жизни общества, в обстановке социально-политической стагнации, окостенения, когда старый мир начинает гнить и давать трещины, но еще не видны реальные пути переустройства этого мира. Известно также немало случаев, когда авторы создавали свои утопии, находясь в тюрьмах, то есть тоже оказывались в это время лишенными непосредственной общественной деятельности.

Грандиозное количество утопий во всем мире обусловило массу исследований о них. Россия здесь не исключение. В послесоветский период литература об утопиях особенно обильна; отмечу, в добавление к указанным в примеч. 1, еще ряд значительных трудов (включая и новые перепечатки старых текстов)². Понимание утопий у разных авторов несколько колеблется, хотя в целом недалеко отступает от точного перевода греческого термина, изобретенного Томасом Мором: «место, которого нет». Предвоенный четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова указывает два оттенка: «1. Несбыточная мечта, неосуществимая фантазия. 2. Литературное произведение, рисующее идеальный общественный строй будущего». Послевоенная «Философская энциклопедия» определяет утопию однозначно: «...изображение идеального общественного строя, лишенное научного обоснования»³. Учитывая, что иногда начальную частицу греческого слова понимают не как отрицательную «υ», а как «ευ», благо стали появляться такие двойственные определения, как, например, трактовка «Российской социологической энциклопедии»: утопия «означает либо «Нигде́я», либо «Блаже́нная страна»⁴.

Кажется, самая последняя по времени формулировка находится в четырехтомной «Новой философской энциклопедии»: утопия — «изображение идеального общественного строя либо в якобы уже существовавшей или существующей где-то стране, либо как проект социальных преобразований, ведущих к его воплощению в жизнь»⁵.

Во всех этих определениях учитываются весьма крупномасштабные объекты: страны, их общественно-политические структуры и т. п. Но утопии могут быть посвящены значительно более мелким сферам, вплоть до личных стараний коллекционера создать всемирно известный музей или мечтаний толстосума о счастливой жизни одновременно с тремя любовницами. Я поэтому расширяю (или сужаю?) понятие и определяю *утопию как мечту об идеальной жизни в любых масштабах и объемах* (потому-то некоторые некрупные утопии могут и сбываться, в противовес неосуществимости их большинства). В утопическую область я включаю не только печатные (письменные) тексты, но и устные рассказы и идеи, не только художественные произведения, но и трактаты, письма, очерки из научной и публицистической сферы.

Принцип «жизнь, какую она должна быть» сближает утопию с романтическим методом в искусстве и литературе, хотя утопии могут посвящаться таким «прозаическим» проблемам и вещам, которые совершенно не интересуют романтиков. Жанровое богатство утопий совершенно не сопоставимо с узким спектром жанров у романтиков. Под жанром понимается не третья ступень литературоведческих градаций (род — вид — жанр), а общая категория разновидности, тем более что рассматриваются не только художественные тексты.

Основные виды утопий вообще и русских утопий в частности можно представить следующими антиномичными парами:

массовые (рассчитанные в разных вариантах и масштабах на человечество в целом, на страну, регион, сословие, профессию, на группу лиц) — *личные*

(рассчитанные на себя лично или на другого человека); массовые утопии, естественно, придумываются отдельными личностями, хотя к концу XIX — началу XX века стали распространяться и коллективно созданные утопии (народники, марксисты);

теоретические (т. е. без конкретной практики) — *практические* (рассчитанные на ближайшую реализацию; в теоретической поэтике есть термин «реализация метафоры»: когда иносказательное, метафорическое выражение понимается в буквальном смысле; мы можем по аналогии ввести понятие «реализация утопии»); попытки применить к жизни практические утопии легче всего совершались административными властителями (граф А. А. Аракчеев в XIX веке, в XX веке — Ленин, Сталин, Гитлер и им подобные), или лицами, имеющими финансовые возможности (М. В. Буташевич-Петрашевский, Н. П. Огарев), или религиозными деятелями, рассчитывавшими на действительную помощь участников и на их бескорыстие (например, старообрядческие практические реализации);

близкими к предшествующей антиномии являются *современные* («нынешние») и, в противовес им, *отдаленные во времени*, в свою очередь делимые на утопии в прошлом или *в будущем* (возможна также абстракция, когда время не регламентируется; подобно термину «утопия» их можно назвать *ухрония*); ясно, что современные будут тяготеть к практическим, а отдаленные по времени — к теоретическим утопиям;

чудесные (основанные на вере в чудо, чаще всего — во вмешательство каких-то высших мистических сил) — *трудовые* (реализуемые упорным трудом); в XVIII — первой половине XIX века эта антиномичная пара малодейственна: чудесный ряд утопий особенно был интенсивен в народных легендах и сказках, а тема труда в литературе дворянского периода почти не затрагивалась; впрочем, она была представлена у Гоголя (см. в «Мертвых душах» образ Костанжогло) и Л. Толстого; очень интересную попытку соединить вместе *чудо* и *труд* сделал Некрасов в поэме «Дедушка»;

социально-политические (наиболее распространенные и существующие в разных вариантах: отдельно социальные, отдельно политические, совместные) — *не имеющие социально-политических элементов* (они подразделяются на *научно-технические, природообразовательные, материально-бытовые*, т. е. описывающие жилье, одежду, еду и т. д.);

автономные (внутренние, «для себя», закрытые) — *агрессивные* (навязывающие свои принципы другим).

Следует еще учесть существование других, более мелких антиномий, придуманных западными учеными и перечисленных Л. Геллером и М. Нике (см. с. 6 их книги): *статические — динамические; утопии бегства — реконструкции; прометеевские* (энергические, созидающие) — *пелагические* (по имени ересиарха Пелагия, мечтавшего об уже созданном «золотом веке»).

Указанные антиномии — лишь крайние формы, в действительности часто встречаются смешанные жанры.

Русская жизнь, неустроенная и напряженная, издавна давала много поводов для создания утопий, начиная от средневековых легенд и сказок. В XVIII веке уже появилось несколько печатно оформленных утопических произведений. XIX век в самом своем зарождении ознаменовался грандиозно-трагической утопией Аракчеева, попыткой большой контингент солдат приобщить, помимо основной военной подготовки, к крестьянскому труду, к земле, к обзаведению семьей — это типично социальная, массовая, трудовая, практическая, современная, агрессивная утопия, если ее характеризовать элементами антиномий. Реализация кончилась крахом: солдатскими бунтами, жестокими репрессиями, окончательной ликвидацией военных поселений в середине XIX века. Времена после Аракчеева характеризовались тоже значительными попытками создать практические утопии.

Кроме реальных властителей мира практически утопиями могут заниматься потенциальные пре-

тенденты на власть. Особенно характерны в этом отношении декабристы, мечтавшие о ближайших коренных преобразованиях страны. В небольших размерах практические утопии сочиняются и реализуются (т. е. предпринимаются попытки их реализовать) людьми, обладающими некоторыми материальными средствами. Так, знаменитый фурьерист и в то же время помещик М. В. Буташевич-Петрашевский решил создать в Новгородской губернии образцовый фаланстер и всю свою деревню поселить в специально построенное по его проекту большое здание (перед переселением туда из курных изб крестьяне ночью подожгли фаланстер, он сгорел дотла). О трудностях религиозной утопической практики см. главу «Народные легенды...».

Возможны и надежды на богатых меценатов, например у фурьеристов, у Н. В. Кукольника (см. раздел о нем). Известный поэт и драматург, он в 1840-х годах начал сочинять проект создания весьма своеобразного «города солнца» «для немногих». К проектам «для немногих» принадлежит и роман Ф. Сологуба «Творимая легенда» (1914): здесь речь идет о создании «блаженной страны» в отгороженной от мира русской усадьбе, а затем о переносе ее (страны) на остров в Средиземном море (русских утопистов, как увидим, очень привлекают средиземноморские острова!).

Рассмотренные утопии все являются массовыми, хотя и разномасштабными по объектам: страна, город, сословие (солдаты-крестьяне), деревня, круг избранных. Но существовали и грандиозные всемирные утопии, начиная с масонов и заканчивая марксизмом-ленинизмом. Нельзя забывать и о космических утопиях Н. Ф. Федорова и К. Э. Циолковского, создававшихся параллельно развитию русского марксизма (в сильно усеченном виде идеи Циолковского советские марксисты пытались использовать для своих целей).

Интересны утопии о профессиях. Выдающийся живописец А. А. Иванов в своих разнообразных утопиях уделял место повышению социального статуса

людей искусства, в том числе и повышению материального обеспечения: помимо помощи вельмож он предлагал с наружной стороны двери в ателье художника прибавать кружку (подобно церковной), куда проходящие граждане будут бросать деньги.

Отметим также семейные утопии: у славянофилов, в повестях С. Т. Аксакова, у Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Семейные и даже индивидуальные утопии в советское время (конечно, вне подцензурной печати!) могли иметь антисоциальную сущность: были случаи «бегства» в глухую провинцию или даже в леса, в сибирскую тайгу, чтобы не участвовать в безнравственной социальной жизни; часто последствия носили драматический характер.

Особую разновидность социальных утопий представляют собой основанные на *религиозных* фундаментах. Западноевропейское масонство оказало большое влияние на русское общество; русские масонские организации утопически стремились уже в современности начать духовное преображение человечества на началах гуманизма и братства. У масонов значительную роль играла мистика, в частности алхимическая вера в искусственное создание золота. И вся череда западноевропейских утопических социалистов (Сен-Симон, Фурье, Ламенне, Леру) основывала свое учение на религиозных, христианских заветах (равенство и братство в первую очередь); впрочем, Фурье меньше других касался христианских проблем. Ранние русские социалисты (кружок Герцена, петрашевцы) могут быть тоже поименованы христианскими социалистами, как и их западные учителя. А «Философические письма» П. Я. Чаадаева (1830-е годы) можно назвать прямо религиозными утопиями, так как одна из главных его идей — католичество является самой ценной и перспективной христианской конфессией — рекомендуется в качестве социально-нравственной основы для русской жизни.

Следует учитывать уникальность Чаадаева не только как проповедника католичества, но и вообще

как религиозного утописта: в большинстве светских русских утопий той поры религиозные вопросы занимают весьма скромное место: А. Д. Улыбышев в «Сне» (1817) мечтает об уничтожении священников и монахов (в будущих храмах люди по очереди будут занимать место первосвященника и произносить краткие нравственные проповеди); П. И. Пестель в «Русской правде» ликвидирует духовное сословие (вместе с другими), оставляя лишь должности священников, а вера объявляется личным делом человека; В. Ф. Одоевский как бы забывает о церкви. В утопиях А. А. Иванова и Н. В. Гоголя церковь и священники занимают определенное место, но все-таки и их утопические произведения нельзя назвать религиозными. Возрождение христианских утопий в светском обществе наблюдается в XX веке, но оно было задумано в 1917 году, а последующие церковные утопии, противостоящие советскому строю или, наоборот, пытающиеся установить контакты с антирелигиозной властью, оказывались при деспотическом режиме в трагической ситуации.

Среди русских утопий наблюдался разнообразный спектр неполитических и несоциальных произведений. Чаще всего встречался научно-технический жанр, тяготеющий к фантастическому. Открывал его Ф. В. Булгарин, продолжил кн. В. Ф. Одоевский. С Булгарина и Одоевского начинаются у нас и природопреобразовательные утопии, да и бытовые. Вообще же в русских утопиях быт занимал довольно скромное место. Он почти исчезнет из утопических романов и повестей советского времени (возможно, повлияло «маяковское» представление о быте как буржуазном начале), зато там, наряду с главным социально-политическим ядром, расцветут научно-технические и природопреобразовательные аспекты. (Следует еще учесть полное исчезновение в советский период антиутопии — будущее человечества, по казенной идеологии, мыслилось лишь в чисто утопических розовых тонах всеобщей гармонии; только отдельные мужественные авторы пытались показать драматические коллизии —

наиболее показательны в этом отношении братья Стругацкие, — зато им было трудно добиваться публикации своих сложных текстов.)

Как и в других странах, писатели и публицисты могли использовать утопию как ширму или как декорацию для других жанров. Например, как и в прошлые века, утопия могла тесно переплетаться с детективом. Наиболее характерный представитель этого смешанного жанра в XIX веке — роман А. Ф. Вельтмана «МММССXLVIII год» (1833), то есть «3448 год». Утопия здесь вытеснена стремительным детективным сюжетом. Благодаря большой доле детективности до сих пор громадным успехом пользуются романы самого крупного советского утописта А. Р. Беляева. Л. Геллер и М. Нике вводят для приключенческой и политико-фантастической литературы с утопическими элементами термин *квазиутопия*, но вряд ли стоит придумывать для этого жанра особое понятие. Вряд ли нужен и их термин *контрутопия* — когда не негативная, а позитивная модель противоплагается другой позитивной модели.

С другой стороны, по традиции Дж. Свифта утопией прикрывались полемика и сатира. Они, заполняя все пространство произведения, превращают утопию в *антиутопию*. Утопия может смешиваться с антиутопией и перетекать в нее; иногда эти взаимопроникновения (см., например, повести В. К. Кюхельбекера) очень запутаны. И еще все зависит от позиции наблюдателя. Недавно Ю. И. Дружников, любящий эпатаж, подробно доказывал, что «Утопия» Т. Мора на самом деле — ядовитая антиутопия⁶. В. А. Чаликова, а за ней и И. А. Калинин (см. примеч. 2) ввели, опираясь на зарубежные изобретения понятий, еще и термин дистопия как особый вариант антиутопии, когда отвергается не вообще устройство мира, а конкретная утопия. Термин, мне кажется, тоже лишний.

В связи с развитием науки и техники все более широко в художественной литературе распространяется жанр научной фантастики (то есть фантастики о науке; далеко не всегда там будет истинно науч-

ный подход к теме). Жанр часто включает в себя и утопические элементы (как и наоборот, утопии иногда содержали научно-фантастические вкрапления: см. выше о научно-технических и природопреобразовательных утопиях). Поэтому в данной книге немало места будет уделено и научно-фантастическому жанру, если в соответствующих произведениях имеются утопические очерки.

Следует сказать, что подавляющее большинство утопий XVIII—XIX веков созданы в оптимистической, мажорной тональности, но уже в романе Одоевского «4338 год» и в его цикле очерков «Русские ночи» (1844) содержится немало тревог за будущее человечества.

Трудности XX века внесли в утопии еще больше драматических коллизий, почему и распространился уже в начале этого столетия жанр антиутопии. Последующие десятилетия размножили русские утопии, а параллельно с ними и антиутопии, и усложнили жанры, но в целом перечисленные формы сохранились до настоящего времени.

В предлагаемой читателю книге автор стремился показать разнообразие российских утопий и сложное отражение в них яркой и драматической русской истории. Книга построена хронологически; главы посвящены определенным историческим периодам, а попутно внутри них освещаются и некоторые теоретические проблемы. Разделы о крупных писателях и общественных деятелях, как правило, более конспективны и дают мало биографических справок — предполагается хотя бы общее представление читателя о русских писателях-классиках и таких фигурах, как Аракчеев или Пестель.

Часть материала была уже опубликована в печати: глава «Русские утопии» в книге «Из истории русской культуры». Том V (XIX век). М., ЯРК, 1996. С. 225—276;

статьи: Жанры русских утопий XVIII — начала XX века // Известия АН, серия литературы и языка, 2004, т. 63, № 1. С. 28—32;

О харьковских утопистах // «Джерела інтерпретації. Ювілейний збірник на пошану професора Юрія Борева». Дрогобич, изд-во КОЛО, 2005. С. 219—222.

Кюхельбекер-утопист // «Он видит Новгород Великой...» Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура» (Великий Новгород, 31 мая — 4 июня 2004 г.). СПб.; Великий Новгород, 2004. С. 174—177;

Комета Белы и ее влияние на русскую литературу // Поэтика русской литературы. Сб. статей к 75-летию проф. Ю. В. Манна. М., РГГУ, 2006. С. 360—365.

Жанр антиутопии у О. И. Сенковского на фоне русских утопий 1820—30-х гг. // Феномен русской классики. Томск, ТГУ. 2004. С. 222—226;

Старшие славянофилы как утописты // «А. С. Хомяков: Личность — творчество — наследие. Хмелитский сборник». Вып. 7. Смоленск, Гос. Музей-заповедник «Хмелита». 2004. С. 203—207.

Н. Г. Чернышевский как утопист // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 64. 2005. № 1. С. 32—36;

Ф. М. Достоевский — утопист // «Литературоведческий журнал». № 19. М., ИНИОН РАН, 2005. С. 54—57.

Утопии А. И. Куприна // «Филологические записки» (Воронеж). Вып. 23. 2005. С. 92—94.

Утопии В. И. Крыжановской-Рочестер // Памяти профессора В. П. Скобелева. Проблемы поэтики и истории русской литературы XIX—XX веков. Изд-во «Самарский университет», 2005. С. 226—234;

К. Э. Циолковский как утопист // Русская литература XIX—XX вв. Поэтика мотива и аспекты литературного анализа. Новосибирск, изд-во СО РАН, 2004. С. 168—175.

Содержание

Введение	3
Народные легенды и попытки реализации утопий	15
Истоки социального утопизма	15
Рай и ад	19
Первые утописты	26
Старообрядцы	30
✓ Легенды о праведных землях	40
Сектантство: мистический утопизм	47
Утопии XVIII века	66
Эпоха утопистов-практиков	66
От дела к слову: литературные утопии середины века	70
Возрождение социально-политических утопий	84
Масонство	92
Индивидуальные утописты	98
Утопии первой половины XIX века	112
Военные поселения графа Аракчеева: реализация антиутопии	112
Утопии чиновников при Александре I	117
Декабристский круг	121
Утописты пушкинской поры	139
Русский фурьеризм и радикальные утопии	176
Утописты-консерваторы	185

От Добролюбова до Вл. Соловьева	197
Мистические утопии	197
Революционные демократы	199
Социальные эксперименты	231
Утопии у классиков литературы	263
Геополитические утопии	275
Утопии выдающихся философов	281
От символистов до марксистов (начало XX века)	297
Огненные утопии рубежа веков	297
Утопии старших символистов	303
Научно-фантастические утопии	339
Партийно-политические утопии	363
Возрождение мистики	367
Итоги и перспективы исследования	377
Примечания	380
Указатель имен	404